

У пахана инфаркт случился. Они с кентами за городом зависали — в Майрамадаге, поэтому его отвезли в алагирскую больницу, а оттуда уже матушке позволили. Я со второго этажа прибежал на ее крик.

— *Мæнæ судзгæ мæгуырбон! Мæнæ мæ хæдзар куы фехæлд!**

Я аж испугался, но быстро сказал себе: «Так, если пахан умер, то ты теперь в доме старший, поэтому должен вести себя как подобает старшему». И тут я сразу собрался, взял матушкины руки, чтобы она себя ими по бедрам не била, и спросил:

— Что? Что случилось?

— *Мæгуырбон!* Вот что случилось.

Щеки у нее были красные, глаза тоже.

— Можешь конкретнее? С папой что-то?

Все это на кухне происходило. А она у нас просторная, и там эхо бывает, если громко говорить, так что мой голос звучал как с трибуны. На матушку это действовало успокаивающе. Она притихла, а потом сказала:

— В больнице он. Инфаркт.

Я выдохнул: ну хоть живой.

— А кто звонил?

— Таймураз. Они все там сейчас. И Мурат, и Толик. В Алагире. Сами его отвезли куда ближе было.

Я отпустил ее руки, и она закрыла лицо. Я упер кулаки в бока. Умер пахан или нет, все равно выходило, что я старший, пока его нет в доме.

* Вот же черный день! Разрушен мой дом! (осетинск.)

Рядом с лестницей Диана стояла — не заметил, как она спустилась. Она подняла брови и ладонь кверху раскрыла, типа «Что происходит?». Я ей показал жёстами, чтобы накапала корвалол, и снова повернулся к матушке:

— Значит, едем в Алагир.

Диана дала матушке рюмку с корвалолом и стакан воды, чтобы запить. Матушка выпила, поморщилась, встала со стула и сказала, что пойдет оденется. Я объяснил Диане, в чем дело. Она спросила, споласкивая рюмку:

— А детей мы с собой возьмем или к моим закинем?

— С детьми ты посидишь.

— В смысле? Я что, не еду?

— Лучше не надо. Потом отдельно съездим, если завтра не выпишут.

— Ладно. Тебе виднее.

Нравится мне, что она никогда не спорит. В смысле, в семье. За пределами дома она та еще акула. Недавно в кафе ей с подругами заказ долго несли, так она там такой хай подняла, что к ним администраторша извиняться вышла и бесплатные десерты дала. Меня там не было. Диана мне сама рассказала — хвасталась.

Матушка вышла в черной кофте и длинной черной юбке.

— Ты чего это вся в черном? — возмутился я.

— Точно! Что творю, не соображаю.

Она снова ушла в их с паханом спальню и вернулась в леопардовой кофте. Так-то лучше.

В дороге матушка позвонила Тине, моей сестре, и чуть снова не разревелась, но быстро успокоилась и закемарила — корвалол подействовал. Вообще у сестры имя Кристина. Родители в свое время не понимали, что оно значит. Я первый ее стал Тиной называть, а потом другие подхватили.

Когда мы проезжали Рощу Хетага, матушка открыла глаза:

— Может, остановишься?

— На обратном пути.

Во дворе больницы стоял пахановский «круизер» рядом с таймуразовским «ровером». Сам Таймураз, Толик и Мурат на лавочке сидели и курили. Кто в джинсах, кто в спортивках. Я вылез из машины, они встали, и я пожал всем руки. По лицам сразу понял: положение не критическое. Матушка тоже подошла. Толик показал нужный корпус и сказал, какая палата. А Таймураз отдал мне ключи от пахановской машины:

— Есть кому ее пригнать? Если нет, любого из нас проси.

Мне не по кайфу было напрягать мужчин, которые мне в отцы годятся. Свой *æгъдау** они и так сделали — больницу организовали, нас подождали — спасибо им большое.

— Надеюсь, он сам ее пригонит.

— Ладно. — Таймураз улыбнулся. — Караул сдан.

— Все будет в порядке. — Мурат хлопнул меня по спине, и от него пахнуло аракой. Они втроем залезли в «ровер» и уехали.

Пахан сразу приподнялся, когда мы вошли. Он был бледный, но бодрый. В палате еще трое лежали. Из них двое без сознания. У пахана на руке иголка пластырем приклеена была, а из иголки трубочка от капельницы торчала. Стул рядом с койкой был только один, и на него матушка села. А я стоять остался.

— Ну как ты? — спросила матушка.

— Ничего. В моем возрасте без инфаркта уже неприлично. У Толика аж пять лет назад был. А он на два года меня младше.

Матушка снова заплакала, только тихо, без причитаний. Пахан ее успокаивал:

* Обычай, должное поведение (осетинск.).

— Не надо меня раньше времени оплакивать. Я еще на тот свет не собираюсь.

— Как это вообще случилось?

— Ну как, как? Мы приехали на озеро. Пожарили шашлыки, выпили. И тут у меня в груди заболело. Такая жгущая боль. Я один валидол съел — не помогает, второй — не помогает. Толик и догадался, что инфаркт. Я же говорю — у него опыт. Я даже сознание не терял всю дорогу. Только здесь вырубился, когда укол сделали.

Вошла медсестра и стала другому пациенту капельницу ставить. Пахан попросил матушку оставить нас. Она молча вышла.

— Садись.

Я сел.

— Во-первых, я рассказал официальную версию. Ты как политик должен это понимать.

Я кивнул.

— Во-вторых, я могу отсюда не выйти.

— Эй, вот не надо это...

— Эй, вот не перебивай.

Я замолчал.

— Прогноз, говорят, хороший. Но кто знает до конца? На кого мне положиться, если не на тебя?

В этот момент у меня у самого чуть сердце не заболело. Приятно, когда отец тебе доверяет, как себе самому. У меня хоть нет братьев-конкурентов, но все равно — он мог ведь положиться на того же Таймураза или еще на кого-то. Я придвинулся вместе со стулом:

— Что нужно?

— Подушку мне поправь для начала.

Я привстал и помог ему лечь поудобнее.

— Вот так хорошо. Ключи от машины у кого?

Я хлопнул по карману.

— Молодец. Там нужно прибраться. В бардачке. И остальное на всякий случай тоже проверь. Так, чтобы мать не видела. Иди сейчас, а ее сюда позови.

Я вышел из палаты, позвал матушку, а сам побежал во двор — быстро, прям как когда мелким пахану за сигаретами в ларек бегал.

В кабине было чисто. Только на заднем сиденье мастерка валялась, и я ее повесил на крючок. Потом открыл бардачок. Там были зонт, бумаги, сигареты, зажигалка, книга про иллюминатов и — по ходу, на это он и намекал — пластинка «Виагры» без двух таблеток и открытая пачка презервативов. Я взял пластинку и пачку и выбросил в мусорку. Только не рядом с машиной, а подальше.

Я уже хотел зайти в больницу, но тут увидел Аслана, мужа Тины. Он выходил из больничной часовни спиной вперед. Меня чуть не стошнило. Наши предки не поклонялись никаким богам. С небожителями они разговаривали на равных. Даже дверные проемы делали высокими, чтобы головы не пригибать и чтобы на небе никто случайно не подумал, что они кланяются.

Этого про Аслана я не знал. Надеюсь, моих будущих племянников он крестить не посмеет. Крещение закрывает важные чакры организма, и потом их очень трудно открывать. В своем доме я это сразу пресек, когда Диана думала Урузмага покрестить. Мы тогда договорились, что пусть она, если хочет, носит в бу-мажнике иконки и ставит свечи в церкви, но детей в это дело не вмешивает. На Амагу она уже не покушалась. И вот тебе сюрприз от зятя.

Я пошел к Аслану и резко пожал руку — считай, просто хлопнул по ладони, чтобы моя собственная рука ладаном не пропахла.

— А где моя сестра? — спросил я у него.

— К отцу пошла.

— А ты чего не пошел?

— Думаю, он хочет видеть только родных. А я лучше помолюсь за него.

— Место, где за него нужно молиться, в десяти километрах отсюда.

Он ничего не ответил, и я не знал, что еще сказать.

В коридоре я спросил у него, кого он знает в этой больнице. Он никого не знал. Хотя он врач. Зачем быть врачом, если у тебя нет связей в больницах? Да и какой он врач? Стыдно сказать: проктолог. Не могла моя сестра во всей медакадемии найти парня с нормальной специальностью? Конечно, с парнями там напряженка, но не настолько же. Мне каждый раз не по кайфу отвечать людям, чем мой зять занимается.

В общем, сам узнал в регистратуре, кто лечит моего отца. Сказали, Алла Хацаева, дежурный врач. Нашел ее. Лет пятьдесят, с короткой стрижкой, очень худая и в очках. Я ей объяснил, кто я такой и чей я сын, чтобы она осознавала уровень ответственности. Спросил про перевод в Республиканскую клиническую или в бесланский медцентр.

— Смысла нет. Завтра выписываем.

— А отдельную палату ему нельзя?

— Отдельных у нас нет. Эта одна из лучших.

— Может, нужно какие-то лекарства купить?

— Что надо, мы ему дали. А что дома принимать, я напишу.

Я подошел к ее столу и кинул в ящик пятнадцать штук.

— Хорошо за ним посмотрите эту ночь.

— *Ма тыхс**. Без присмотра не оставим.

Я спросил у Аслана, кто еще решает вопросы в больницах. Он сказал, что медсестры тоже важные. Хоть что-то знает. Я поймал в коридоре медсестру — ту самую, которая капельницу ставила, — сунул ей пятерку в карман и сказал просто: «Батразов Хазби». Это пахана так зовут. Она улыбнулась, кивнула и убежала.

В палате Тина выговаривала пахану:

— Это все из-за твоей жирной пищи. Знаешь же, как жирное для сердца вредно. А еще Диана говорила

* Не беспокойся (*осетинск.*).

мне, что она *дзыкка* часто делает. Ты, говорит, сам ее просишь. Это вообще сплошной холестерин.

— Ты давай Дианыну *дзыкку* не ругай, — вмешался я. — Сама что полезного готовишь?

Я посмотрел на Аслана, типа «Чем она тебя кормит?», но как-то не увидел у него на лице поддержки.

— Начинается. — Пахан заерзал. — То вредно, это нельзя. Ерунда это все. Наши деды ели и шашлыки, и *дзыкка*, и пироги с топленным маслом. И ничего — до ста лет жили. И вообще, ты — косметолог.

Тина умолкла. Я спросил пахана, что с машиной делать. Решили, что я отгоню ее домой, а мой «цивик» Аслан пригонит. В итоге на обратном пути матушка с Асланом в «цивике» ехала, а Тина вела их «опель». На Роще Хетага я остановился и пропустил других вперед.

В июле, на праздник, мы в Роще всей семьей были. Амага завязывала ленточки на деревья, а Урузмаг откусил от пирогов и пригубил пива из рук *дзуарылаџа**. Он уже четвертый раз был в Роще. Каждый осетин должен побывать там хотя бы три раза.

Я прошел через поляну в чащу. Нашел дерево, на котором висит картина с Уастырджи. Перед деревом стоит стол и деревянный столб с закругленной вершиной и специальными выемками для бутылок аракки внизу. А сбоку от картины — железный ящик для *мысайнага***.

Ленточки на дереве колыхались. Я взял одну из бутылок, открутил крышечку и попросил у Всевышнего и Святого Места, чтобы мой отец вышел из больницы на своих ногах и прожил еще много лет. Еще я попросил у Уастырджи, чтобы Аслан, а тем более Тина с матушкой доехали до дома без происшествий. Пригубил, закрутил крышечку и вернул бутылку на место.

* Дзуары лаџ — жрец (осетинск.).

** Мысайнаг — пожертвование (осетинск.).